

Глава 3

— Что ты сказал?

Цэнь Сяо прищурился. Его взгляд переместился на покрасневшее ухо Ли Жуна — редкий проблеск цвета на бледной коже.

В классе вновь воцарилась гробовая тишина. Все ученики, как по команде, обернулись, ошарашенно наблюдая за тем, как староста прикрикнул на Цэнь Сяо.

«Твою же... Староста только что прикрикнул на брата Сяо?»

«Он что, совсем с катушек съехал от потрясения?»

«Вы слышали, что именно он крикнул? „Не делай“ что?»

Цэнь Сяо едва заметно усмехнулся. Стоя в проходе, он бесцеремонно загораживал собой свет, и Ли Жун оказался полностью скрыт в его тени. Этот властный жест, лишаящий личного пространства, мгновенно приковывал к себе всё внимание собеседника.

Угрюмость юноши как рукой сняло. Теперь он небрежно ждал ответа.

Ли Жун пришёл в себя сразу же, как только выкрикнул те слова. Оцепенение длилось не дольше пары секунд, после чего к нему вернулось полное самообладание. Будь он настоящим семнадцатилетним подростком, наверняка бы сторел со стыда, не зная, куда деться. Но Цэнь Сяо в своё время его хорошо выдрессировал.

Ли Жун выпрямился, потягиваясь с кошачьей грацией, и положил затёкшую руку прямо на тест по химии.

— Слишком легко, — бросил он равнодушно. — Я не буду это решать.

В классе снова зашумели:

«Ничего себе „легко“!»

«Учитель говорила, что это уровень вступительных в топовые вузы...»

«Да ты посмотри, кто говорит. Для старосты это, может, и правда ерунда».

Цэнь Сяо промолчал, но его взгляд проследил за движением пальцев Ли Жуна: от аккуратных кончиков вверх, мимо бледной кожи тыльной стороны ладони, усеянной следами от уколов, к растрёпанному воротнику и, наконец, остановился на лице. На нём не было ни тени паники или смущения. Юноша выглядел так, будто они и впрямь обсуждали только сложность задания.

Цэнь Сяо приподнял бровь и задумчиво кивнул.

Ли Жун уже собирался облегчённо выдохнуть, когда сосед вдруг упёрся рукой в стол и наклонился. Его взгляд замер на взмокшем виске Ли Жуна. Волосы последнего давно требовали стрижки; пряди, заложенные за уши, были тонкими и мягкими, а влажные кончики завитков прилипли к худому лицу.

— И кто же это так заставил страдать поясницу нашего старосты? — Цэнь Сяо прошептал это настолько тихо, чтобы никто из посторонних не услышал, но для Ли Жуна каждое слово прозвучало предельно чётко и весомо.

В нынешнем Цэнь Сяо ещё не чувствовалось той ауры ледяного убийцы, которая появится позже. Цепочка на его шее покачивалась в такт движениям, а в воздухе витал чистый аромат кондиционера для белья с нотками гардении, исходивший от школьной формы.

Ли Жун встретил его взгляд, не моргнув и глазом. Растрёпанный, бледный, едва очнувшийся ото сна, он тем не менее держался так, словно сидел в костюме за столом важных переговоров.

Уголки его персиковых глаз чуть дрогнули в улыбке.

— Угадай, — ответил он.

Дверь класса с грохотом распахнулась. Ян Фанфан влетела в кабинет, цокая каблуками и громко причитая:

— Разговоры, одни разговоры! Страшно доверить вам будущее страны! Кто тут не хочет решать задания...

Её взгляд наткнулся на Цэнь Сяо, который единственный в классе не сидел на месте, а затем переместился на Ли Жуна. Гневная тирада прервалась на полуслове, будто кто-то нажал кнопку выключения.

Ли Жун одарил классного руководителя виноватой и слабой улыбкой. Он медленно поднялся, уступая место Цэнь Сяо. Новое сиденье ещё не успело согреться, и по телу юноши пробежала невольная дрожь от холода.

Ян Фанфан пришла в себя лишь через несколько секунд.

— Ли Жун... ты вернулся. Зайди ко мне в офис после уроков, — она сухо кашлянула и перевела взгляд на соседа Ли Жуна, глубоко вздохнув. — Цэнь Сяо, хорошенько обсуди всё с семьёй. Не принимай поспешных решений на эмоциях.

Тот ничего не ответил.

Ли Жун покосился на него. Он прекрасно знал, насколько сложная ситуация в семье Цэнь Сяо. Совет Ян Фанфан был равносильен пустому звуку. Главным талантом этого парня всегда было умение игнорировать мнение родителей.

Когда тест закончился, выяснилось, что только Ли Жун и Цэнь Сяо сдали пустые бланки. Учительница посмотрела на Ли Жуна, её лицо выражало крайнюю обеспокоенность, но она промолчала. Собрав работы, она просто кивнула ему.

Кабинет Ян Фанфан

Ли Жун вышел вслед за учителем. В кабинете Ян Фанфан первым делом плотно закрыла дверь.

— Дома случилось такое горе... — она тяжело вздохнула. — Если тебе нужна помощь или школьный психолог...

— Всё в порядке, — ровным голосом перебил её Ли Жун.

Ян Фанфан запнулась, неловко перебирая листки с тестами.

— Вот как. Что ж, хорошо. Я знаю, что ты сильный мальчик. Надеюсь, у вас с Цэнь Сяо не вышло конфликта? Когда я зашла, вы как будто препирались.

В Школе А Цэнь Сяо и Ли Жун принадлежали к двум противоборствующим лагерям. Родители Ли Жуна были почётными профессорами исследовательского института «Хунсо», обладали колоссальным научным авторитетом и безупречной репутацией. Отец же Цэнь Сяо возглавлял торговую палату Третьего района, входившую в Объединённую палату «Ланьшу».

В последние годы «Ланьшу» стремилась к монополии. Любой бизнесмен мечтал стать частью палаты, чтобы получить поддержку, несмотря на высокие взносы. Лишь предприятия, сотрудничающие с «Хунсо», отказывались вступать в союз. Поскольку их продукция была уникальной и высокотехнологичной, они удерживали огромную долю рынка. Многие профессора «Хунсо» имели собственные компании.

Родители Ли Жуна основали фирму по производству медицинского оборудования. Без взносов в

палату их себестоимость была ниже, и до трагедии дела шли блестяще.

Вражда старшего поколения неизбежно сказывалась на детях. Даже в школе потомки двух лагерей разбивались на группы, которые постоянно конфликтовали и презирали друг друга. Цэнь Сяо был неформальным лидером детей «Ланьшу», а Ли Жун пользовался огромным уважением среди тех, кто был связан с «Хунсо». За два года в одном классе и два месяца за одной партой они почти не общались, а со стороны их отношения казались откровенно враждебными.

— У нас с Цэнь Сяо? — Ли Жун прищурился, и в его улыбке проскользнуло нечто странное. — Да у нас очень близкие отношения. С чего бы нам конфликтовать?

Ян Фанфан надолго замолчала. Должно быть, она решила, что парень переживает нервный срыв. Психика выстроила мощную защиту, и он начал нести околесицу.

— У вас есть ещё вопросы, учитель? Если нет, я пойду, — вежливо осведомился Ли Жун.

Ян Фанфан замялась, избегая его взгляда. Она старалась выглядеть доброй, но улыбка получалась натянутой.

— Ли Жун... Видишь ли, я не ожидала, что ты вернёшься так скоро. Класс не может долго оставаться без старосты, и я уже планировала передать эти обязанности Цуй Минъяну.

Цуй Минъян тоже был из среды «Хунсо», но его успехи всегда меркли на фоне достижений Ли Жуна. Теперь, когда семья Ли разрушена, а его родителей лишили званий, статус Цуй Минъяна резко вырос. Он сам предложил свою кандидатуру, будучи уверенным, что соперник больше не появится в школе.

— Но ведь я здесь, — Ли Жун изобразил искреннее непонимание.

На самом деле должность школьного старосты его совершенно не волновала. Но возможность испортить настроение неприятному человеку была слишком заманчивой.

— Я ценю твою преданность классу, — мягко, но настойчиво произнесла Ян Фанфан. — Но дома на тебя свалилось слишком много проблем. Тебе просто не хватает сил. Я уже переговорила с Цуй Минъяном, он готов взять это на себя. Остался всего год, не так уж важно, кто именно будет занимать эту должность.

У Ян Фанфан были свои мотивы. О трагедии в семье Ли гудел весь город. Независимо от правды, репутация семьи была подмочена, и учительница не хотела лишних сплетен. Ей было жаль Ли Жуна, но собственные покой и безопасность были ей дороже.

Ли Жун опустил глаза и поджал губы, скрывая насмешку, и с пониманием произнёс: «Понятно».

Я пойду».

— Понятно. Я пойду.

Он прикрыл рот рукой и глухо, мучительно закашлялся, после чего вышел из кабинета. Ян Фанфан смотрела ему в спину, чувствуя, как укол совести становится всё болезненнее. Но у неё не было ни сил, ни мужества защищать своего ученика.

Выйдя из офиса, Ли Жун мягко нажал на точки на шее, подавляя приступ кашля. Кроткое и беззащитное выражение лица мгновенно исчезло, взгляд стал холодным и острым.

В прошлой жизни после смерти родителей он долго пребывал в прострации, и многие школьные события стерлись из памяти. Тогда у него не было сил бороться, чем и воспользовались разного рода ничтожества. Теперь же у юноши было достаточно времени и желания, чтобы воздать каждому по заслугам.

Однако стоило ему постоять в коридоре, как пустой желудок снова напомнил о себе. Утренний жидкий отвар не мог дать достаточно энергии. Внутри всё скрутило от изжоги, кислый привкус обжёг горло. Ли Жун бросился в туалет.

Вцепившись в край унитаза, он несколько раз содрогнулся в приступах рвоты. Перед глазами поплыли пятна, холодный пот пропитал рубашку под пиджаком, растрёпанные пряди липли к лицу. Когда приступ закончился, он бессильно привалился к стене, пытаясь выровнять дыхание. Дождавшись, пока боль утихнет, юноша на неслушающихся ногах подошёл к раковине и принялся умываться холодной водой.

Вода стекала по его предплечьям, капая с локтей. Лицо было мокрым, волосы спутались в тяжёлые пряди, с которых срывались прозрачные капли.

Если бы кто-то стоял на месте Цэнь Сяо, он бы заметил, насколько изящен и хрупок изгиб спины Ли Жуна. Школьная форма плотно облегла узкую талию и очерчивала контуры тела.

Цэнь Сяо впервые увидел в этой гордой душе проблеск истинной уязвимости.

«Словно прекрасный павлин с высоко поднятой головой превратился в промокшую до нитки запертую птицу. Или гордый леопард стал дрожащим домашним котом»

Жалкое зрелище, но в нём таилось нечто фатально притягательное.

Цэнь Сяо молча крутил в руках губку для доски. Он просто зашёл смыть меловую пыль —

скучное занятие, которое неожиданно обернулось интересным наблюдением.

— Цэнь... Сяо. Тебя дежурные заждались.

Цуй Минъян ещё не был официально назначен старостой, но уже вовсю примерял на себя эту роль. Он не решился бы беспокоить Цэнь Сяо, но тот подозрительно долго не возвращался. Зайдя в туалет, он увидел Ли Жуна и невольно почувствовал укол злорадного удовольствия.

— О, и наш «староста» здесь.

Цуй Минъян прошёл мимо Цэнь Сяо и направился напрямик к Ли Жуну. Тот выпрямился, опираясь на раковину, и холодно взглянул в сторону двери.

Враги встречаются на узких тропах.

— Кстати, учитель тебе сказала? — Цуй Минъян довольно осклабился. — На следующем уроке объявят, что я теперь староста. Никто не думал, что ты так быстро прибежишь обратно.

Ли Жун хмыкнул, перенося вес тела на раковину.

— Ты, я гляжу, в восторге.

Радость Цуй Минъяна так и плескала через край.

— Знаешь, Ли Жун, в прошлом семестре твой отец завернул мою статью для «Химии будущего». Как такой лицемер вообще мог называть себя учёным? Неудивительно, что и сын у него такой же. Тебе не место на посту старосты в этом классе.

Ли Жун сделал вид, что напряжённо вспоминает.

— А, ты про ту статью, которую за тебя родители написали? Кажется, им тогда ещё выговор влепили.

Хорошо, что он вспомнил эту историю — Ли Цинли в своё время долго возмущался дома по этому поводу.

Цуй Минъян побагровел, на его лбу вздулись вены. Эту обиду он собирался помнить до гроба. Это была обычная сделка, его статья никак не угрожала положению Ли Жуна, но Ли Цинли полез на рожон и лишил его родителей шанса на повышение.

Гнев захлестнул Цуй Минъяна. Он шагнул вперёд и мертвой хваткой вцепился в воротник Ли

Жуна. В его глазах полыхала жажда мести. Юноша выглядел настолько больным и слабым, что казалось, он вот-вот упадет в обморок — идеальный момент для расправы.

Ли Жун даже не попытался отстраниться. Он просто спокойно посмотрел через плечо противника на стоящего у двери Цэнь Сяо. Тот замер, осознав, что за ним наблюдают.

Цуй Минъян не имел дел с Цэнь Сяо, но знал, что тот сидит с Ли Жуном за одной партой. Вдруг он решит заступиться? Он нерешительно оглянулся на Цэнь Сяо, словно спрашивая разрешения.

Лицо Цуй Минъяна в этот момент выглядело уродливо: ярость смешивалась с трусостью, заставляя мышцы лица неестественно подрагивать.

Цэнь Сяо усмехнулся. Он небрежно похлопал губкой по ладони и бросил:

— Мне-то какое дело?

Глаза Цуй Минъяна тут же вспыхнули торжеством.

Ли Жун едва слышно вздохнул.

— Что ж, ладно.

Стоило Цуй Минъяну отвернуться, чтобы нанести удар, как взгляд Ли Жуна стал ледяным. Резким, отточенным движением он нанёс точный удар ребром ладони в основание шеи противника.

У Цуй Минъяна потемнело в глазах. Он с глухим стуком рухнул на колени, вписавшись зубами прямо в край раковины. Из рта хлынула кровь.

— Сука! — прохрипел тот, зажимая окровавленный рот.

Ли Жун не медлил ни секунды. Он перехватил руку, всё ещё сжимавшую его воротник, и с силой вывернул мизинец. Туалет огласил истошный вопль.

— А-а-а! Отпусти! Сломаешь!

Ли Жун прищурился и нажал ещё сильнее. Убедившись, что Цуй Минъян окончательно деморализован, он безразлично оттолкнул его ногой.

Движения юноши были безупречны. Ему не хватало физической силы, но точность и

жестокость компенсировали всё. Этим приемам он научился у Цэнь Сяо — долгими часами изнурительных тренировок в их общем будущем.

Цуй Минъян скорчился на полу, баюкая сломанный палец. Его губа распухла на глазах.

— Ты у меня попляшешь, Ли Жун! Мои родители тебя в порошок сотрут! Твою мать, как больно...

Цэнь Сяо перестал стучать губкой. Меловая пыль закружилась в лучах света. Ли Жун выглядел изнеможенным, поэтому Цэнь Сяо и не уходил. Теперь он понял, что беспокоиться не о чем.

Как только расправа была окончена, Ли Жун снова принял вид немощного больного. Он схватился за грудь, заходясь в надрывном кашле. Лицо его исказилось от боли, веки потяжелели.

— Кхе-кхе-кхе...

Цэнь Сяо не выдержал и рассмеялся. Насладившись зрелищем, он убрал губку, отряхнул руки и направился к выходу.

— Цэнь Сяо!

Тот замер и медленно обернулся. Ли Жун стоял, опираясь на раковину; его бледные пальцы судорожно сжимали край фаянса.

— Староста Цуй только что напал на беспомощного больного, — Ли Жун тяжело дышал, глядя на собеседника невинными глазами. — Разве ты не должен доложить об этом учителю?

Цэнь Сяо иронично переводил взгляд с Цуй Минъяна, скулящего в луже крови, на хрупкого, совершенно невредимого Ли Жуна.

— И с какой стати мне тебе помогать?

Ли Жун печально вздохнул.

— Можешь и не помогать. Только учти: если ты ещё раз захочешь позвать старосту, откликаться будет вот это лицо.

Ли Жун кивнул в сторону багрового от ярости Цуй Минъяна.

Цэнь Сяо невольно посмотрел на того и тут же с отвращением отвернулся. Этот аргумент он

принял.

Ли Жун позволил себе мимолётную улыбку.

«Цэнь Сяо в постели обожал называть меня старостой. Даже спустя годы некоторые привычки не меняются»

Но торжество длилось лишь мгновение. Ли Жун снова поник, схватился за живот и прерывисто задыхался, демонстрируя крайнюю степень истощения. Его влажные волосы почти высохли, на губах застыла влага.

Цэнь Сяо смотрел на него несколько секунд, после чего насмешливо бросил:

— Может, мне сразу вызвать тебе скорую?

Эту игру в несчастную жертву он видел насквозь.

Ли Жун понял, что разоблачён, и вздохнул. Но тут же сменил тактику. Он поднял на Цэнь Сяо свои персиковые глаза, и в его взгляде, полном невинной мольбы, прозвучало:

— Мне и правда больно...

Голос был мягким, с жалобной ноткой. И в сердце Цэнь Сяо что-то дрогнуло.

<http://bllate.org/book/15351/1412397>